

Светлана Ионова

Языковой аспект интерпретации текста

Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica 6, 107-115

2010

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

*Светлана Ионова**

ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

Современное текстовое пространство представляет собой принципиально новое образование по отношению к онтологии традиционных текстов культуры. Наиболее яркой характеристикой его существования является «множественность интерпретационных кодов», смешение текстов, их смысловых координат, голосов автора и читателя, которые порождают новые представления о традиционных произведениях, актуализируют новые смыслы и новую прагматику в их содержании. Для обозначения данного явления в современной коммуникативистике применяют термин «ремиксинг» (от *mixing* – смешивание с префиксом «ге», усиливающим значение многократности повторяемого действия). В связи с его массовым характером в филологической науке с особой остротой сегодня встает вопрос о природе интерпретации, его разновидностях, об интерпретативных свойствах знаковых систем. В данной статье предлагается лингвистический подход к пониманию интерпретации как результата вторичного семиозиса, повторного означивания усвоенного содержания (Ионова 2006).

И. В. Арнольд, говоря о пределах процесса интерпретации, в качестве основного фактора, сдерживающего субъективизм автора при толковании содержания высказывания (текста), называет фактор единства национального языка, являющегося выражением коллективного представления о мире в конкретную историческую эпоху (Арнольд 2002). Однако речевая практика показывает, что даже единство национального языка не является гарантией однозначности понимания создаваемых на нем речевых произведений. Уже в обыденном понимании интерпретация связывается с такими действиями, как изменение содержания текста и «перевод» его на иной «язык», объяснение и выявление смысла сообщения. Само устройство языка: его единицы, соотношение между ними, принципы номинации, предикации, актуализации – свидетельствует о том, что естественным

* Волгоградский государственный университет.

свойством знаковой системы, определяющим природу языкового знака и функционирования языковых систем, является принципиальная приближительность и интерпретируемость языковых знаков, о которой писали в своих работах Ф. де Соссюр, Ч. Моррис и которая сегодня активно обсуждается в лингвистической литературе: человек реагирует на знаки и символы, «не задумываясь над тем, что стоит за ними, воспринимая их как условные и приблизительные аналоги предметов (Дридзе 1985: 88).

Наиболее сложным для опредмечивания и распредмечивания в языке являются эмоциональные феномены. Как было показано в работах лингвистов, «язык одинаков для всех и различен для каждого прежде всего в сфере его эмотивности, где диапазон варьирования и импровизации семантики языковых единиц в сфере их личностных эмотивных смыслов наиболее широк и многообразен» (Шаховский 2002: 59).

Сегодня всемирная гуманитарная наука накопила огромный багаж знаний об эмоциональном мире человека. В лингвистике и психолингвистике установлено, что эмотивность – это одна из важнейших категорий языка и текста, сопоставимых с категориями цельности и связности (Сорокин 1982); эмотивность – универсальное языковое явление, она находит выражение во всех языках мира, маркируется на всех уровнях языка, проявляется во всех функциональных сферах общения (Ионова 1998; Michalewski 2006); уже не вызывает сомнения тот факт, что эмоции включены в структуру сознания и мышления, что они сопряжены с когнитивными процессами и с *mental style*, каждая эмоция имеет свои характерные знаки, каталог которых формирует семиотику эмоций человека, в то же время эта корреляция не является моделью типа *one-emotion-one-style* (Шаховский 2008); известно, что существуют прототипические модели эмоциональных ситуаций (Апресян 1995, Вежбицкая 1997, Эйчисон 1995), которые образуют категориальные эмоциональные ситуации (Шаховский 2008: 129); известны разные способы концептуализации эмоциональных состояний, выражаемых в тексте: язык эмоций (слова, называющие эмоции), данные самоотчетов, поведенческие данные, физиологические данные (симптоматические проявления) (Апресян 1995); установлено, что смысловым центром эмоционального текста выступает эмоциональная доминанта, роль которой состоит в организации эмоциональной информации и направлении понимания реципиента в определенное эмоционально-интеллектуальное русло (Пищальникова 1999; Шаховский 1998).

В нашем исследовании мы акцентируем внимание на таком свойстве эмотивности, как приближительность языковых и текстовых репрезентаций эмоциональных явлений.

Эмотивы являются главными аппроксиматорами в языке, это связано как с психической природой эмоциональных явлений (их быстротечностью, simultанностью, динамичностью и др.), так и с особенностями их языкового выражения. По словам П. Д. Успенского, переживания в их подлинном виде сохраняются в памяти лишь несколько мгновений, «очень скоро они бледнеют, становятся плоскими и заменяются словами, поспешно и случайно притянутыми к ним, чтобы хоть так удержать их в памяти», но в большинстве случаев человек „даже не сознает этой подмены” (Успенский 1993: 326). Для выражения эмоции, как правило, используются конструкции, обороты речи, лексика, наиболее привычные и естественные для данной языковой личности. Одно и то же переживание может быть изложено по-разному: в формулах религии, в категориях философии, образным языком и т.д., при этом является закономерным, что «одна и та же эмоция, выраженная в языке разными способами, не тождественна самой себе» (Добровольский 1996: 82). В силу отмеченных выше особенностей эмоции, в отличие от ментальных состояний, легко вербализуемых самим субъектом, не всегда просто переводятся в слова (Апресян 1995: 454). Психологи показывают, что слова, называющие эмоциональные состояния (страх, гнев, восторг, радость, горе и др.) не могут в полной мере передать желаемое переживание, т.к. не все из них обязательно соотносятся с разными эмоциями и не все эмоции обязательно облекаются в словесную форму (Ortony, Clore, Collins 1995: 323). Справедливой представляется также мысль о том, что в каждом конкретном случае „с достаточной достоверностью” можно указать лишь самый общий „эмоциональный диапазон” слова, в пределах которого существует множество эмоциональных вариаций (Графова 1991: 113). Еще более сложным и многообразным представляется процесс косвенной репрезентации эмоционального переживания – его описания или выражения.

Данные положения, отмеченные учеными, могут быть конкретизированы, если установить возможные ориентиры данного эмоционального диапазона вербализации эмоций в тексте. Наиболее очевидным приемом при этом выступает сопоставление текста (его эмотивного аспекта) с вариантами, полученными в результате его вторичного воспроизведения. В качестве материала нами были использованы письменные работы выпускников школ Волгоградской области и студентов разных факультетов Волгоградского госуниверситета (всего 196 работ), в которых предлагаемый текст излагался в соответствии с пониманием учащимися его смысла. Рассмотрим один из примеров текстов, полученных в результате воспроизведения фрагмента романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», предъявленный в качестве контрольного текста. В задачи учащихся входило воспроизведение предложенного фрагмента в любой привычной для них форме. Установка на свободное варьирование материала,

по нашей гипотезе, должна активизировать привычные для пишущего способы изложения и языковые средства репрезентации содержания, которые основываются на личностных смыслах и содержат эмоциональную составляющую (по А. Н. Леонтьеву).

В результате обобщения материала было выявлено несколько особенностей воспроизведения эмоциональной информации в ее вторичной интерпретации и использования средств номинации эмоциональных состояний.

Прямые номинации эмоций (термины эмоций) являются кодифицированным средством национального языка. В тексте они выступают в качестве редуцированных обозначений прототипических ситуаций, а определенный набор таких ситуаций – как развернутая характеристика некоторого эмоционального концепта (Вежбицкая 1997: 337). Для анализа нами был выбран фрагмент текста, в котором присутствовало достаточное количество имен существительных – терминов эмоций, а также их производных – глаголов и прилагательных: *радость, восторг, ликование, сочувствие, сострадание, счастье, гордость, удрученность, подавленность, сожаление, разочарование, сомнение; злиться, страдать, радоваться и др.*

Как показал наш материал, варианты использования лексики эмоций в тексте вторичного воспроизведения связаны с изменением модальности, интенсивности и, реже, оценочного знака обозначаемой эмоции. Рассмотрим особенности лексического наполнения предложений, образованных в результате репродуктивного изложения учащимися фрагмента текста М. Ю. Лермонтова:

(1) Я молился, злился, проклинал все на свете – ничто не сможет передать моего состояния при мысли о том, что я могу потерять ее навсегда!

(2) Я злился, ненавидел и проклинал все на свете – ничто не сможет передать моего состояния при мысли о том, что я могу потерять ее навсегда!

(3) Я надеялся, молился – ничто не сможет передать моего состояния, потому что я боялся потерять ее навсегда!

Как видно из примеров, сочинительная конструкция «молился, злился, проклинал», составляющая номинативное ядро эмоциональной информации в указанных фрагментах, в некоторых работах была заменена другими вариантами: *бояться, ненавидеть, надеяться*. Две первые интерпретации содержат эмотивы, сходные по интенсивности, они передают «активные» эмоции (Рубинштейн 1984: 150), в то время как автор третьего фрагмента оперирует в большей степени «пассивными» эмоциями (*надеяться, молиться, бояться*). В то же время модальность обозначаемых эмоций в результате лексических замен преобразуется и порождает иные толкования эмоциональных состояний героев:

Злиться – испытывать злость, где *Зло* – нечто дурное, вредное (Ожегов, Шведова 1986: 200);

Ненавидеть – испытывать ненависть к кому / чему-нибудь, где *ненависть* – чувство сильной вражды и отвращения (там же: 348);

Надеяться – рассчитывать на что-то, возлагать надежду, где *Надежда* – ожидание, уверенность в осуществлении чего-то радостного, благоприятного (там же: 321).

Примеры смены оценочного знака эмоции единичны и связаны преимущественно с нарушением логики воспроизведения и толкования цепи эмоциональных состояний героев повествования, выявляемых путем анализа целостного текста (всего фрагмента). Ср., например, цепь эмоциональных состояний, представленных в тексте оригинала (4) и в студенческих работах (5, 6):

(4) В волнении выбежал – как безумный, вскочил на коня – беспощадно гнал – с ужасом думал – молился, злился, проклинал все на свете – мысль молотком ударила мне в сердце – еще раз увидеть, проститься, пожать руку – бог знает, какие мысли появились в тот момент в голове.

(5) В волнении выбежал – уверенно вскочил на коня – старательно гнал – настойчиво думал – злился, проклинал всех – мысль не давала покоя – необходимость увидеться, проститься – разные мысли появлялись в тот момент в голове.

(6) Я выбежал – вскочил на коня – гнал с три версты – думал – надеялся и молился – еще раз увидеть, проститься, пожать руку – одна мысль теснилась в тот момент в голове.

Если описать эмоциональный сценарий данной сцены с опорой на семантику ключевых лексем и устойчивых сочетаний (Ожегов, Шведова 1986; *Фразеологический словарь* 1986), то его можно представить путем толкования эмоциональной составляющей каждого из указанных звеньев ситуации:

- испытать волнение (после получения тревожных новостей);
- с очень сильными чувствами, крайними по своему проявлению, растерянностью вскочить на коня;
- проявить непримиримость, жестокость, безжалостность к себе, своему коню;
- думать с чувством сильного страха, доходящего до подавленности, оцепенения;
- беспредельно любя, просить помощи у высших сил, одновременно испытывать злость, ругать, бранить все, что мешает ускорить встречу – от тревоги испытывать острую боль в сердце;
- переживать страстное желание скорее увидеться, выразить сочувствие, сожаление – иметь бессвязные и самые страшные мысли в голове.

Сопоставление фрагмента (5) с фрагментом текста оригинала (4) выявило, что эмоциональный сценарий претерпел некоторые изменения:

- зарождение волнения (после получения тревожных новостей);
- обретение уверенности (отсутствие волнения, рассеянности);
- с желанием, настойчиво гнать коня;
- упорно, твердо раздумывать над ситуацией – испытывать злость, ругать, бранить все, что мешает ускорить встречу;
- мысли вопреки желанию возвращались к предмету волнения – следовало, требовалось увидеться;
- иметь положительные и отрицательные мысли в голове.

Во фрагменте (7) отсутствует указание на такие эмоциональные переживания, как: *волнение – источник и мотив всех действий, сильные чувства, растерянность, страшные, ужасные мысли, сильные эмоции, испытываемые наездником в пути*. Напротив, утверждается *уверенность в осуществлении чего-то радостного, благоприятного, надежда, необходимость дружеского рукопожатия, наличие в голове определенной и понятной мысли*.

Во вторичном речевом произведении, которое образуется на стыке сознания двух языковых личностей (автора и интерпретатора), эти семантические «отклонения» чаще всего определяются целями построения вторичной проекции текста. В. И. Постовалова различает следующие позиции при проведении процедуры интерпретации, которые соотносятся с разными целями автора при построении им нового текста: а) достроить здание концепции, не завершённое, по его мнению, автором; б) провести целостную реконструкцию авторской концепции; в) включить фрагменты авторской концепции в состав «теоретического багажа единого потока идеи науки» (Постовалова 1988: 34–35).

Неосознанные нарушения эмоциональной картины текста чаще всего определяются недостаточной языковой и речевой компетенцией автора вторичного текста, а также спецификой вторичной репрезентации сообщения, которая всегда опосредована сознанием автора, осуществляется путем вторичной категоризации и концептуализации содержания. Помимо этого, объективность асимметрии первичной и вторичной текстовых репрезентаций связана с особенностями обозначения эмоций как объекта изображения (о чем говорилось выше) и жанрами текста пересказа.

При изучении особенностей пересказа как вторичной текстовой деятельности значимыми являются два его вида – подробный пересказ и краткий пересказ. Первая разновидность репродуктивного текста представляет собой изложение содержания текста и связана с использованием преимущественно лексики, извлеченной из текста – эндолексики (Новиков 2002), вторая представляет собой смысловой пересказ и опирается на лексику привнесённую – экзолексику (там же). При выполнении пересказа

первого типа (именно такой вид пересказа выполняли авторы анализируемых нами текстов) важным является максимальная опора на первичный текст, использование разнообразных средств когезии текста.

В. Набоков, рассуждая над проблемой наиболее точного воссоздания первичного текста в процессе работы над созданием перевода (вторичного текста) романа М. Ю. Лермонтова на английский язык, говорит о том, что в данном случае переводчик должен «принести в жертву» такие достоинства литератора, как хороший вкус, красоту слога и даже грамматику: «Надо дать понять английскому читателю, что проза Лермонтова далека от изящества: она суха и однообразна, будучи инструментом в руках пылкого, невероятно даровитого, но явно неопытного молодого литератора. Его русский временами так же коряв, как французский Стендаля; его сравнения и метафоры банальны; его расхожие эпитеты спасает разве то обстоятельство, что им случается быть неправильно употребленными... И все это переводчик обязан скрупулезно воспроизвести, сколь бы велико ни было искушение заполнить пропуск или убрать лишнее» (Набоков 1988: 193). Выявляя пристрастие писателя к определенному кругу слов (*задуматься, подойти, принять вид, молчать, мелькать, неволью, пристально, вдруг, уже, неизъяснимый, гибкий, мрачный*), переводчик видит свой долг в повторении их «с возможной педантичностью» для сохранения точности воссоздания прототипа (там же).

Следует отметить, что смысловой пересказ является более гибким и менее верифицируемым вариантом первичного текста. Будучи носителем концентрированного содержания, он преодолевает буквальное прочтение текста-основы и предлагает собственную формулировку его смысла. Поскольку смысл не может быть структурно завершен (Гийому, Мальдидье 2002: 133), то его формулирование характеризуется некоторой степенью неопределенности, а вторичные трактовки – разнообразием вариантов. Важным в данном определении является указание на особый, обобщенный характер представления информации, входящей в концептуально значимый смысл, нетождественный тому, который был представлен «на поверхности текста». Например:

(8) В сущности Печорина и автора интересуют две философские проблемы: проблема судьбы в ее отношении к самосознанию и жизненному самоопределению человека и проблема добра и зла. Связь между этими проблемами... очевидна. Нравственный «произвол» героя – эквивалент его извечного противопоставления судьбе (*Больш. лит. энциклопедия* 2004: 414).

(9) «Герой Нашего Времени», милостивые государи мои, точно портрет, но не одного человека: это портрет составлен из пороков всего нашего поколения в полном их развитии... В созданиях поэта, выражающих скорбь и недуги общества, общество находит облегчение от своих

скорбей и недугов: тайна этого целительного действия – сознание причины болезни через представление о болезни... (Белинский В. Г.).

(10) Роман «Герой нашего времени», главным героем которого является Печорин – это произведение с философским содержанием. Создавая своего героя, Лермонтов хотел показать портрет пороков всего общества. Роман отличается тонким психологизмом. Автор показывает чувства и мысли героя, читатель переживает за него, очень сильно чувствует то, что испытывает Печорин. Лермонтову интереснее не поступки героя, а его внутренние переживания (Из ученического изложения).

Вторичные тексты краткого пересказа, воспроизводящие смысловое содержание первичного текста, можно рассматривать как последовательное обобщение выделенных ключевых слов и определение концептуальных центров, в которых воплощается представление о существенных компонентах семантики текста. Эмотивные компоненты в виде модальных элементов входят, наряду с тематическими словами, в состав ключевых слов текста и позволяют выявлять смысловую доминанту текстов, построенных на основе единства его эмотивного фона и эмотивной тональности.

Психолингвистическое толкование этих процессов состоит в утверждении тезиса о том, что смысловое восприятие любой информации и любого текста напрямую зависит от предшествующего опыта реципиента. Информация, которая не находит аналога в эмоциональном опыте воспринимающего, не может быть принята и проинтерпретирована и поэтому отвергается. В этом состоит причина расхождения типов восприятия текстов: поскольку реципиенты обладают различным предшествующим опытом, они по-разному воспринимают и интерпретируют получаемую информацию.

Продолжая логику этого рассуждения, можно сказать, что подобная ситуация возникает также в результате отсутствия пристрастности воспроизведения материала. При отсутствии «фактора интереса» и коммуникативной актуальности (такой процедуры, когда человек, прочитывая текст, выбирает из него только то, что соответствует его коммуникативному намерению и интересу) восприятие текста сводится лишь к одной из названных фаз, лишаясь объемности, всесторонности осмысления. Интерес, являющийся основным мотивом познавательного процесса, в когнитивной психологии и лингвистике рассматривается как особого рода возбуждение и связывается с понятием «вовлеченности» читателя в процесс восприятия текста. Отсутствие рациональной эмоции интереса, с одной стороны, тормозит прохождение данной фазы и не позволяет реципиенту включить содержание текста в свой личностный художественный и социально-индивидуальный опыт, а с другой стороны, ведет к искажению эмоциональной семантики текста и к искажению его рационально-логической структуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. (1995), *Избранные труды*, т. 2, Москва.
- Арнольд И. В. (2002), *Стилистика. Современный английский язык*, Москва.
- Вежбицкая А. (1997), *Язык. Культура. Познание*, Москва.
- Гак В. Г. (1984), *О модально-эмоциональной рамке предложения*, [в:] *Новые явления и тенденции во французском языке*, Москва, с. 169–175.
- Гийому Д., Мальтидзе О. (2002), *О новых приемах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса*, [в:] *Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса*, Москва, с. 124–137.
- Графова Т. А. (1991), *Смысловая структура эмотивных предикатов*, [в:] *Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности*, Москва, с. 67–98.
- Добровольский Д. О. (1996), *Образная составляющая в семантике идиом*, «Вопросы языкознания», № 1, с. 71–93.
- Дридзе Т. М. (1985), *Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблема семисоциологии*, Москва.
- Ионова С. В. (2006), *Аппроксимация содержания вторичных текстов*, Волгоград.
- Ионова С. В. (1998), *Эмотивность текста как лингвистическая проблема* (дисс. канд. филол. Наук, Волгоград).
- Леонтьев А. Н. (1975), *Деятельность. Сознание. Личность*, Москва.
- Набоков В. (1988), *Дневниковые записи*, «Новый мир», № 11, с. 189–199.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. (1986), *Словарь русского языка*, Москва.
- Пищальникова В. А. (1999), *Психопоэтика*, Барнаул.
- Поствалова В. И. (1988), *Картина мира в жизнедеятельности человека*, [в:] *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*, Москва, с. 34–35.
- Рубинштейн С. Л. (1984), *Эмоции*, [в:] *Психология эмоций*, Москва.
- Сорокин Ю. С. (1982), *Текст: цельность, связность, эмотивность*, [в:] *Аспекты общей и частной лингвистической теории текста*, Москва, с. 61–74.
- Успенский П. Д. (1993), *Новая модель вселенной*, Санкт-Петербург.
- Войнов Л. А., Жуков А. И., Молотков А. И., Федоров А. И. (ред.) (1986), *Фразеологический словарь русского языка*, Москва.
- Шаховский В. И. (1987), *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка*, Воронеж.
- Шаховский В. И. (2008), *Лингвистическая теория эмоций*, Москва.
- Эйтчисон Д. (1995), *Лингвистическое отражение любви, гнева, и страха: цепи, сети или контейнеры?*, [в:] *Язык и эмоции*, Волгоград, с. 76–91.
- Michalewski K. (red.) (2006), *Wyrażenie emocji*, Łódź.
- Ortony A., Clore G., Collins A. (1988), *The Cognitive Structure of Emotions*, Cambridge.

Svetlana Ionova

THE LANGUAGE ASPECT OF TEXT INTERPRETATION

The article is devoted to the problem of language interpretation. It analyses properties of language as semantic approximators, shows the results of derivative processes in the semantic structure of a text. The main units of analysis are the signs of emotions, their transformations in the processes of text retailing. As the result of the investigation of language material it was brought to light the connection between semantic units with characteristics of human consciousness and his emotional experience.